

УДК 321.01

А.М. Смей

Севастопольский национальный технический университет

Студгородок, г. Севастополь, Украина, 99053

E-mail: root@sevgtu.sebastopol.ua

ОПТИМИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО СУВЕРЕНИТЕТА В ПРОЦЕССЕ МОДЕРНИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

Анализируется соотношение авторитаризм/демократизм на различных этапах политического развития.

Сегодня мы являемся свидетелями наложения друг на друга двух глобальных процессов. С одной стороны, адаптируясь к требованиям научно-технической революции, социально-экономические системы стремятся к установлению единообразной структуры производства и на её основе к унификации структуры политических систем. Формируются все новые межгосударственные блоки и союзы, побуждая своих членов поступаться частью суверенитета. С другой стороны, усиливается желание народов сохранить свою национальную самобытность, своеобразие культурного бытия. Сегодня проблема оптимального дробления суверенитета возникла на качественно ином – интернациональном (межгосударственном) уровне. Возникла задача оптимального разделения суверенитета уже внутри межгосударственных союзов.

Существующие сегодня модели деления суверенитета исходят из двух классических мотивов: а) рациональное распределение властных полномочий; б) недопущение злоупотребления властью. Следующая модель, требующая изучения, исходит из стремления оптимизировать управление данной политической системой как целостностью. Актуальность анализа моделей этого класса возрастает в связи с выявившейся нехваткой мировых ресурсов для расширенного производства материальных ценностей. Количество ресурсов, необходимых для выживания общества, является важнейшим фактором, который требуется учитывать, реализуя функцию политического управления.

Таким образом, изучение существующих и перспективных моделей разделения властей является комплексной научной задачей, включающей правовые, политические, идеологические, экономические, международные и другие аспекты. Число факторов, воздействующих на общество, сегодня так велико, что при определении оптимальной конфигурации органов государственной власти и политического управления уже невозможно руководствоваться только отвлечёнными социально-философскими построениями, анализировать ситуацию, основываясь лишь на традиционных правовых и политологических подходах. Необходимость обнаружения принципиально новых методов, дающих возможность интерпретировать политический процесс как

функцию минимального числа легко формализуемых и проверяемых факторов особенно актуальна для модернизируемых и развивающихся сообществ.

Вне зависимости от направления социальной эволюции, конкретных модели и конфигурации разделения властей, идеологических ориентаций основных участников исторических и политических процессов всякий раз ход событий приводит нас к перераспределению социальных ресурсов. Пожалуй, откровеннее всех о необходимости вычленения особой ветви денежной власти высказались сотрудники сектора «Банковское право» ИГП РАН Г. Тосунян и А. Викулин [1], хотя выдвигать деньги как властный ресурс на первый план в политологии не очень-то принято. Специалист в области управления В.И. Кнорринг постулирует существование пяти независимых ветвей власти: кроме трёх «классических», ещё и информационной и интеллектуальной [2]. И это, конечно, не предел.

Если ограничиться только ареалом христианской культуры, то нетрудно заметить, что с увеличением степени демократичности конкретного социума возрастает и количество ветвей, на которое предлагается разделить государственную власть. Изначально единственным легитимным собственником был монарх, опиравшийся на аристократию как на систему господства. Затем, с усилением класса буржуазии центральная единая власть была разделена вначале на две ветви, потом на три и так далее. При этом всякий раз происходило не только формальное деление властных институтов: последние венчали собой систему органов защиты ресурсов, контролируемых соответствующей группой интересов. Такова общая программа формирования гражданского общества, то есть системы установлений, институционально защищающих интересы частных социальных групп как от государства, так и друг от друга. Процесс демократического развития как раз и заключается в последовательном и неуклонном дроблении общественных ресурсов и учреждений, поддерживающих это дробление. Как долго может развёртываться этот процесс?

Предельный вариант дробления описывается в так называемой концепции плюрализма элит [3] О. Штаммера, Д. Рисмэна и С. Келлера, суть которой заключается в следующем. Если в эпоху ранних буржуазных революций в Европе элитные группировки проявлялись достаточно отчётливо, то в современном западном обществе подразделение на элиту (персональный состав органов защиты ресурсов) и массу далеко не очевидно. В настоящее время уже имеется множество элитных группировок, влияние каждой из которых ограничено сферой её специализации. Такое положение вещей объясняется следствием углубляющегося разделения труда, требованиями современного этапа научно-технической революции, всё более усложняющейся социальной структурой. По этим причинам ни одна группа интересов (профессиональная, региональная, этническая, религиозная и так далее) просто не в состоянии доминировать во всех областях жизни социума.

Уровень элитности общества снижается: каждая группа интересов рождает свою, частную элиту, которая активно защищает интересы группы и направляет вектор развития последней.

По мнению авторов концепции плюрализма элит, «в современном демократическом обществе власть распылена между многообразными общественными группами и институтами, которые с помощью прямого участия, давления, использования блоков и союзов могут налагать вето на неугодные решения». И это тем более верно, что отношения власти и подчинения все более уходят от статики, приобретая динамический характер. Происходит отход от вертикального способа принятия и реализации политических решений к горизонтальному; властная конфигурация всякий раз меняется, поскольку создается для реализации конкретного решения, требующей привлечения групп интересов определённого состава. Иначе говоря, если сегодня у власти находится одна комбинация людей, то уже буквально завтра из-за изменения социальной задачи у государственного кормила будет стоять другая.

Однако очень скоро стало ясно, что концепция плюрализма элит была бы вполне адекватной реальности только при равенстве политического влияния каждой группы интересов, чего на самом деле не наблюдается. «Напротив, существует явный дисбаланс воздействия разных социальных групп на процессы принятия и реализации политических решений. Кто в западном обществе более влиятелен: директорат ТНК, профсоюз угольщиков или профессиональные объединения «белых воротничков»? Ответ очевиден. Это заставило сторонников теории плюрализма элит вводить понятие «стратегическая элита», и всё вернулось на круги своя. Выяснилось также, что благодаря особенностям современного этапа первичного политического развития как раз и происходит укрепление консолидированного правящего слоя, деятельность которого легко может выйти из-под даже поверхностного демократического контроля. Мы имеем в виду продолжающееся уже шестое десятилетие доминирование финансовых олигархий, банковских домов и обладателей монополии на информацию и масс-медиа. По мнению некоторых учёных, например, Л. Ларуша, именно финансовые олигархи, а не официальные политики и уж тем более не демос, являются реальными субъектами политики» [4].

Существуют ещё несколько объективных препятствий непрерывному увеличению степени демократичности даже самого западного общества. Первое препятствие заключается в том, что с увеличением числа реальных субъектов политики, то есть с укреплением институтов гражданского общества, неизбежно ослабляется политическая мощь интегрального института, призванного сохранять целостность общества, – государства. В соответствии с теорией договорного происхождения государства, ресурсы последнего представляют собой совокупность средств, которые каждый по-

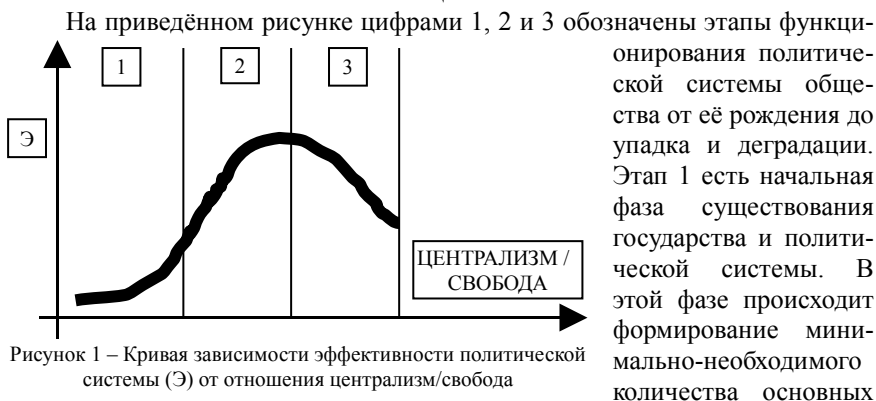
литический агент (личный или коллективный) отчуждает от себя в целях защиты общественных интересов. Интуитивно понятно, что, начиная с некоторого момента, суверенитет государства может быть ослаблен настолько, что оно будет уже не в состоянии поддерживать тем или иным способом полную функцию управления – эффективное и легитимное распределение национальных ресурсов. Последнее означает утрату обществом политической независимости и резкое ухудшение положения всех социальных групп. Следовательно, хотя бы подчиняясь инстинкту самосохранения, все политические агенты должны прийти к согласию относительно максимальной степени демократичности общества.

Необходимость поддержания достаточно высокой степени централизации любого общества имеет ещё одно объективное основание. Дело в том, что развитие систем (от биологических до социальных) подчиняется закономерности, открытой в 1845 году Ворхолстом, построившим график зависимости роста дрожжевых грибов на пищевом субстрате от времени. «Понятно, что в начале грибки растут медленно... Более того, их рост начинается не «из нуля», а только при наличии не менее 20 микроорганизмов. После набора «критической массы» идёт бурный рост, размножение грибов,... после чего рост замедляется... Здесь пищевой субстрат (ресурс) попросту... съеден. Или: рост грибов принципиально ограничен размерами субстрата в чашке. Позже подобную кривую многократно переоткрывали экономисты, науковеды, патентоведы, маркетологи. Поэтому в литературе можно встретить множество её наименований: сатурационная, сигмоидальная, логистическая кривая, кривая Фостера, «кобра», S-образная кривая. Однако, несмотря на обилие названий, суть одна: кривая описывает закономерность развития систем различной природы на ограниченных ресурсах» [5]. Разумеется, что и политическая система общества, толкуемая как совокупность взаимодействий всех социальных агентов, посредством которых в обществе распределяются национальные ресурсы, также подчиняется S-закономерности.

На рисунке 1 воспроизведём S-кривую для политической системы как целостности, безотносительно к конкретным институтам, участвующим в распределении национальных ресурсов. Считаем необходимым повторить, что эффективность в данном случае означает, что каждый политический агент имеет доступ к такому количеству материальных и нематериальных благ, которое обеспечивает производство и воспроизводство его жизни, а физическое лицо способно производить и воспроизводить жизнь и рабочую силу. От удовлетворительного состояния этого фактора зависит и второй – легитимность распределения ресурсов, а значит, и властных отношений. Удовлетворение базовых социальных потребностей может быть достигнуто двояко: а) за счёт централизованного распределения ресурсов, для этого нужен определённый уровень государственной мощности (под-

креплённой организационно и ресурсно); б) за счёт активности самого политического агента, для чего он должен располагать необходимым объёмом ресурсов; этот объём ресурсов эквивалентен свободе политического агента. Итак, для политической системы S-кривая будет схематически отображать зависимость главного «истоновского» фактора – эффективности распределения национальных ресурсов от важнейшего параметра системы – отношения централизм/свобода.

В данном случае понятие свобода имеет не столько формально-правовой, сколько политический смысл. Иными словами, свобода имеет политический смысл, если она обеспечена и материально и организационно с тем, чтобы личность была в состоянии реализовать своё право на жизнь собственными силами. Упор на защиту только формального права (в рамках либерально-демократической концепции государственного строя) гарантий производства и воспроизводства жизни и рабочей силы практически не даёт, за исключением небольшой части энергичного и/или богатого населения. В этом случае возникает противоречие между «свободой от» и «свободой для», которое, в конечном счёте, является двигателем политического процесса, а также средством, задающим границы зоны оптимального существования политической системы общества.

групп интересов, передача части свобод политических агентов в пользу государства. Именно в указанном периоде идёт основная борьба за то количество национальных ресурсов, которое должно перейти под контроль всех социальных групп и государства, формируется властная конфигурация. Эффективность функционирования политической системы в этот период невелика: имеет место так называемый «эффект старта», когда почти вся общественная энергия растрачивается на раздел ресурсов, на разделение властей, но пока ещё не на созидание. Длительность первого этапа может быть небольшой, если главные группы интересов придут к быстрому compro-

миссу (как это сделали английские буржуазия и аристократия), или длительной, если общественного согласия достигнуть не удаётся. Именно так произошло во Франции, где формирование устойчивой политической системы заняло после Великой Французской революции почти столетие. Собственно говоря, только на этом первом этапе существования политическую организацию общества можно назвать подлинно демократической (так как количество ресурсов, которым обладает гражданское общество, значительно превышает таковое у государства).

Целостная политическая система может не сформироваться вовсе: политическая система СССР 1986-1991 года – хорошее тому подтверждение. Но если общественно приемлемая версия политической системы найдена и доказана её (пусть небольшая) эффективность, начинается второй этап её эволюции. Если на первом этапе идут отбор схемы разделения ресурсов, поиск подходящей социальной доктрины, появляются самые экзотические предложения по разделу власти (четыре, пять, шесть и более ветвей), то к началу второго этапа все эти процессы затухают. На основе сложившегося баланса сил политических агентов возникают подходящие к случаю политическая идеология и, на её основе – государственный строй. Число ветвей власти не превышает трёх, укрепляется государство и его система господства, а политическая система начинает работать на достижение максимальной эффективности. С началом устойчивого экономического роста, важнейшей задачей политической власти становится закрепление её параметров в оптимальном состоянии. Этими параметрами являются экономическая линия (способ производства материальных ценностей) и политический курс (сложившаяся властная конфигурация) [6]. Все существующие варианты соотношения экономической линии и политического курса обобщены А. Дугиным в форме «политологического круга» [7]: демократизм (прогрессизм); либерал-демократизм; либерализм; либерал-консерватизм; консерватизм (национализм); социал-консерватизм; социализм (коммунизм); социал-демократизм.

Для нас важно заметить следующее: государственный (конституционный) строй в политическом смысле есть законодательно закреплённый диапазон экономической и политической активности всех политических агентов в границах данной системы. При этом любая, даже легальная политическая активность, направленная на изменение государственного строя либо замалчивается, либо гасится, либо пресекается, ибо рассматривается и властью и обществом как политический экстремизм. Так, например, в США «политически некорректной» считается всякая активность левее демократизма (крен в сторону социализма), а равно правее либерализма (туда, где к экономическому либерализму «подмешивается» сильная интегрирующая национальная идея).

Как же должно осуществляется поддержание системы в оптимальном диапазоне? Для того чтобы ответить на этот вопрос, прежде необходимо получить ответ на другой, а именно: каково оптимальное соотношение централизм/свобода? Ответить на него вполне возможно, основываясь на теореме К. Шеннона, полученной на материале английского языка (в аспекте его применения в системах телефонии). Е. Седову удалось распространить выводы К. Шеннона на системы любой природы – небиологической, биологической и социальной, сформулировав закон иерархической компенсации. Е. Седов доказал, что рост разнообразия (энтропия, свобода) на нижнем уровне системы обеспечивается его эффективным ограничением на высших уровнях [8]. Ключевыми понятиями теории Е. Седова являются: «упорядоченность («централизация») общества», символически обозначаемая IS, а также «степень свободы социальной системы», как единого целого, которая обозначается HR.

Е. Седовым установлено, что «нормально развивающийся социум, достигнув соотношения $HR/IS = 20\%/80\%$, имеет возможность перейти на следующий иерархический уровень развития, перераспределив свободную энергию, то есть начать формировать между элементами прежнего уровня новые информационные связи» (там же). Это соотношение, с одной стороны, позволяет поддержать целостность системы, а с другой – сообщает системе максимальные адаптивные возможности. Иначе говоря, власть-могущество имеет возможность за счет высоких экстрактивных и мобилизационных свойств системы приводить последнюю в соответствие с меняющимися внешними требованиями, а индивидуумы и институты гражданского общества могут использовать гарантированную ресурсами свободу как для реализации потребностей к самореализации и самоактуализации, так и для поддержания целостности общества собственными усилиями. Любое существенное отклонение от оптимального соотношения HR/IS в ту или другую сторону оборачивается либо тоталитаризмом, либо анархизмом и распадом системы вследствие утраты политического управления. Иначе говоря, выходом политической системы за пределы оптимальной зоны на S-кривой.

Движение политической системы к оптимальному состоянию возможно двумя путями. Первый путь – от точки «Н» (начало цикла существования политической системы) до точки оптимума (Опт) – прошли развитые страны Запада. Дуга «Н» – «Опт» соответствует первому этапу на S-кривой. Кстати говоря, все существующие сегодня взгляды на разделение властей исходят из этого западного пути, именуемого «первичным (оригинальным) политическим развитием». В настоящее время перед западными системами стоит задача удержаться в окрестностях точки оптимума. Рекомендация на этот счёт может быть только одна: «не дожидаясь наступления третьего этапа (от точки Опт до точки конца цикла «К» – С.З.), именно то-

гда, когда (система – С.З.) находится «на подъёме», самостоятельно «запустить» в рамках своей системы новую S-кривую» [5]. Однако это легче сказать, чем сделать – не возвращаться же назад, в точку «Н»?

Разумеется, нет. В действительности работает тот вариант создания новой S-кривой, который можно назвать циклическим, или, используя известный штамп, «политическими качелями». Классическая триада разделения властей, конечно, сохраняется. Вступает в силу ограниченное временем и юридическими нормами разделение властей между левыми и правыми компонентами политической элиты в границах разрешённого диапазона политической активности: демократами и республиканцами в США, лейбористами и консерваторами в Англии, социалистами и голлистами во Франции и так далее. Е. Седов писал, что обюрокращивание управленческих структур является главным фактором, понуждающим политические системы любого типа двигаться в сторону конца их жизненного цикла.

Существует и второй путь, которым идут так называемые «развивающиеся» страны, от окрестностей точки «К» до точки оптимума «Опт». Для стран, осуществляющих переход от авторитаризма и тоталитаризма к демократии, быстрый переход к политической системе западного типа обязательно оборачивается либо потерей управления вплоть до распада системы либо новым витком авторитаризации. В самом деле, если в окрестностях точки «К» (где почти все национальные ресурсы находятся под контролем либо государства, либо олигархической группировки) сформировать политические институты западного образца, это будет означать переход не к точке «Опт», а к точке «Н». Либо может случиться так, как произошло почти во всех странах СНГ – государство предельно ослаблено, а национальные ресурсы перешли под контроль эгоистических олигархических группировок. Опыт свидетельствует, что для систем, развивающихся по указанному пути (вторичное, отражённое развитие), формирование системы разделения властей следует начинать не с классической версии, а с конструирования «полуторапартийной» системы господства, или системы с одной доминирующей партией. Так поступили, например, в Японии, КНР и Вьетнаме. В этом случае переход в зону оптимума осуществляется медленной, хотя и последовательной передачей части национальных ресурсов под контроль институтов гражданского общества. Но до конца этого перехода у доминирующего политического института должно быть достаточно ресурсов для эффективного политического управления в интересах системы в целом.

Следует признать, что на формирование прагматической политической идеологии оказывают влияние не только национальная политическая культура и интересы главенствующих внутренних политических агентов, но и «требования» внешней, по отношению к национальной системе, среды. В итоге государственный строй является равнодействующей указанных

выше факторов. Иногда внешнее влияние становится абсолютным, и тогда государственный строй диктуется внешними силами напрямую, как, например, это случилось в отношении ФРГ, ГДР и Японии по итогам Второй мировой войны. В других случаях конфигурация политической системы страны и экономическая линия могут навязываться опосредованно, через экономический механизм. Эти обстоятельства должны учитывать национальные институты концептуальной (доктринальной) власти при выборе стратегии политического развития и осуществлении полной функции политического управления.

Закон иерархической компенсации имеет ещё одно значительное следствие, помогающее оптимизировать межсистемное взаимодействие в интересах развивающегося общества. Если говорить точнее, упомянутое следствие теоретически обосновывает закон, открытый эмпирически ещё в XIX веке немецким экономистом Ф. Листом. Ф. Лист установил, что при взаимодействии двух обществ, одно из которых давно следует либерально-демократической модели и имеет укоренившуюся рыночную инфраструктуру, а второе только вступает на этот путь, первое общество обретает доминирующее положение над вторым. Именно так обстояли дела в XVIII веке при взаимодействии Англии с её североамериканскими колониями, так было в XIX веке в отношениях германских государств с Европой, такое же положение вещей существует в XX-XXI вв., когда страны СНГ пытаются интегрироваться в политическую систему стран Запада. В терминах закона иерархической компенсации данное положение приобретает следующую форму: «Накопление информации (отрицательной энтропии) внутри какой-либо системы всегда оплачивается возрастанием энтропии внешней среды. Вследствие этого в процессах перехода систем на новый иерархический уровень неизбежно возникает проблема ограниченности внешних ресурсов» [8]. Иначе говоря, если одна политическая система находится во второй зоне (рисунк 1) или в окрестностях токи «Опт», а вторая система в первой зоне (рисунк 1) или на дуге «Н» – «Опт», то последняя имеет тем меньше шансов прийти в зону оптимального функционирования, чем ближе её позиция к точке «Н». Именно так обычно и бывает, когда развивающаяся система начинает бездумно копировать неолиберальную модернизационную модель.

Выводы таковы. Если политическая система развивающегося общества находится в диапазоне от точки «Н» до точки «Опт», единственная оптимизирующая стратегия заключается не в разделе национального суверенитета, а в его консолидации до приемлемого уровня. Разумеется «разделение властей» в смысле их специализации, а не ресурсного и организационного дробления должно иметь место. В том случае, когда развивающаяся система приближается к точке «Опт» со стороны точки «К», уже должно осуществляться реальное разделение властей и ограничение национально-

го суверенитета, но медленное и осторожное и только до оптимального уровня HR/IS. Но во всех случаях должно соблюдаться правило: только тот центр концептуальной власти имеет положительное влияние на развивающуюся систему, который содействует сохранению оптимального уровня национального суверенитета.

Поскольку комбинация внешних и внутренних требований к системе меняется, конституционный строй должен приспосабливаться к идеологическим переменам, свидетельствующим о существенных изменениях в социальной структуре общества. Третий этап существования политической системы наступает именно тогда, когда существующий государственный строй перестаёт соответствовать новой комбинации внутренних и внешних политических сил. Вновь обостряется борьба за разделение ресурсов и властей, а следовательно, эффективность функционирования политической системы обнаруживает устойчивую тенденцию к снижению. Поэтому при поиске национальной модернизационной модели, и её корректировке следует исходить не из идеологических мифов и утопий, а из интересов сохранения целостности системы и базовых интересов здесь и сейчас живущего человека.

Библиографический список

1. Тосунян Г.А. Деньги и власть. Теория разделения властей и проблемы банковской системы / Г.А. Тосунян, А.Ю. Видулин. — М.: Дело, 2000. — 224 с.
2. Кнорринг В.И. Искусство управления: Учеб. / В.И. Кнорринг. — М., 1997. — С. 164.
3. Основы политической науки: В 2-х т. — М.: Об-во «Знание» России, 1993. — 224 с.
4. Ларуш Л. Научные основания принципов физической экономики / Л. Ларуш // Бюллетень Шиллер. ин-та науки и культуры. — М., 1995. — № 6. — С. 21–33.
5. Магическая «S» // Форум. — 2002. — № 15 (189). — С. 2.
6. Тихомиров С.И. Политический процесс: теория и практика / С.И. Тихомиров. — Севастополь, 2002. — С. 16–18.
7. Дугин А. Мировоззренческий код / А. Дугин // Евразийское вторжение. — 1998. — № 30. — С. 6.
8. Седов Е. Информационно-энтропийные свойства социальных систем / Е. Седов // Общественные науки и современность. — 1993. — № 5. — С. 92–100.

Поступила в редакцию 7.10.2003 г.